

Игорь Шестков "Летящий мертвец"

ЛЕТЯЩИЙ МЕРТВЕЦ

Всякий раз, когда я хочу тебя утешить, мой дорогой друг, вспоминаю одну картинку из детства. Нарисовалась она в центре Москвы, на Кузнецком Мосту. В середине шестидесятых годов...

Слякотная была зима. Холодная, ветреная, с гнилыми оттепелями. Помню, все мечтали о крепком сухом морозце с солнышком. Но в городе было пасмурно и сыро, дул пронизывающий ветер, а с тяжелого пластилинового неба то и дело сыпалась колющая щеки снежная крупа попеременно с острыми, ледяными капельками зимнего дождя. Москвичи обвиняли во всем недавно вырытые вокруг столицы водохранилища.

Шел я по Кузнецкому с моим отчимом, что-то мы хотели там купить канцелярское или книжное, не помню уже что. И вдруг видим, толпа небольшая собралась вокруг лежащего на грязной коричневой снежной каше мужчины с багрово-синим окровавленным лицом.

Зрители, как и полагается, в темных бесформенных пальто советского покроя, в мокрых кроликовых шапках с ушами, на мордасах — типичное совковое выражение, приличными словами вовсе не передаваемое.

Это чёё? Мертвый что-ля? Ну ни хуууя!!! Скутузило, бя, мужика по полной! Все на лежащего уставились, как будто он бриллиантовый-самоцветный, но никто ничего не делал. Только один мужчина его ботинком пнул. Брезгливо так... отстраненно... мол, мне-то что? Мне — ничего. Лежи себе...

Скорую никто не вызвал. На женских лицах ни следа сострадания не видно, на мужских — только тупое удовлетворение. Удовольствие даже от чужого несчастья.

И вот вижу... сквозь толпу старушка какая-то сердобольная к лежащему пробивается. На голове — шляпка с потертой шелковой розочкой и синей вуалью, в руках — сумочка старомодная, глаза — добрые, подслеповатые, носик точеный, породистый, руки — в узеньких перчатках. Пробилась и давай пульс искать на его грязной лапе. Потом достала из сумочки цилиндрик валидола,

свинтила ему крышечку и таблеточку в рот пострадавшему всунула... под язык. Лежащий на асфальте поначалу и не отреагировал никак. Зрители подумали — и вправду помер. Закивали удовлетворенно. Но тут он шевельнул своим отекившим багровым веком и открыл ужасный правый глаз. Толпа охнула и затаила дыхание...

Глаз этот прошелся яростным взглядом по толпе зевая, быстро обнаружил сердобольную старушку и тут же налился кровью, как гребешок боевого петуха. Мне показалось, что глаз начал стрелять в старушку разрывными пулями. Зашевелились и его опухшие синие губы. Так, как будто они не принадлежали своему владельцу, а действовали самостоятельно. Мы услышали что-то вроде: Оша йу тарай жыка... траить хошш сско чка ука...

Мой быстро соображающий отчим засмеялся первый.

А через полминуты гоготали все, а мужик на асфальте громко и вполне внятно хрипел: Пошла нах, старая жидовка! Отравить хочешь русского человека, сука?! Лежащий выплюнул таблетку валидола и, несмотря на то, что был мертвецки пьян, ухитрился-таки лягнуть старушку нечистым своим ботинком в бок. После этого, как и был, лежа, достал из кармана пальто папиросу, всунул в угол рта, чиркнул спичкой и закурил.

А старушка схватилась за сердце... уронила сумочку и шляпку на грязный снег... розочка оторвалась и укатилась куда-то, вуалька сбилась неприятным клоком... ветер растрепал ее седые волосы... по морщинистым щекам покатались слезы. Она подобрала шляпку и сумочку трясущейся рукой и, все еще держась за сердце и тихо постанывая, протиснулась через толпу и похромала в сторону Рождественки.

Толпа отреагировала на уход вуальной старушки брезгливыми гримасами и злорадными восклицаниями.

...

Странная штука — воспоминания. Написал про лежащего на асфальте пьяного и про пожалевшую его старушку, — и тут же в голову против воли втиснулся другой, уже не мнимый, а настоящий покойник, лежащий на московском асфальте.

Случилось это уже в семидесятых, я был гордым студентом МГУ и быстро шел

по улице Димитрова (ныне опять по-старинному — Большая Якиманка) от Октябрьской площади, мимо французского посольства к букинистическому магазину, что был на набережной, напротив Ударника, в доме, который снесли позже новые хозяева города. Не могу утверждать, что их предшественники, планировщики сталинско-брежневской Москвы, были лучше ельцинско-путинских — при них Москва потеряла половину своих романтических урбанических островков и украсилась тысячами уродливых коробок, но последние строят из себя русских патриотов, восстанавливают церкви, старые названия... но на самом деле являются такими же безмозглыми и наглými варварами как и их предшественники — коммуняки... их город и Москвой-то назвать нельзя... столица паханата... Пуйловск... тьфу, тьфу на него тысячу раз! Да, лето, жаркий московский вечер, я спешу в магазин, в котором хочу купить том Гоголя с «Выбранными местами» дореволюционного издания... знакомый продавец, декадент и стилига, позвонил мне и предупредил, что если я до семи не выкуплю книгу, то он отдаст ее другим соискателям, из которых выстроилась уже длинная очередь.

— Уйдет, уйдет книга прямо из твоих потных ладошек, — твердил стилига, и я знал, что он на другом конце провода скалится гадко, показывает телефонной трубке свои гнилые зубы.

Книга эта имела тогда среди нас, не уехавших и не собиравшихся уезжать набитых дураков с претензиями, заигрывавших с гонимым еще православием, культовый статус. «Выбранные места» представлялись мне, именно в силу своей базальтовой недоступности, самой интересной, загадочной работой автора «Мертвых душ». Запретный плод сладок... но быстро теряет вкус!

Книги, картины, архитектурные шедевры, женщины, заморские страны, чудеса природы... разочаровывают нас, как только перестают быть недоступными... лучше было бы им навсегда остаться запретными плодами... и служить недостижимыми целями нашей бессмысленной беготни... маяками в наших бесплодных странствиях. Но нет, мы получаем все, что хотим, наслаждаемся всеми наслаждениями, о которых исступленно мечтали, за которые были готовы отдать жизнь... и мы отбрасываем без сожаления муторные книги, забываем мертвые картины и дурацкие постройки тиранов или фанатиков, бросаем

любимых женщин в погоне за первой попавшейся юбкой, с удовольствием покидаем осточертевшие нам города и страны и плюем на природные красоты. Узнали бы мы близко Спасителя или самого Создателя Вселенной — и уже через пару часов начали бы зевать и проситься к дьяволу. Наши разочарование, сплин, меланхолия — испепелили бы и само Солнце, если бы нас близко к нему допустили.

...

Я шел тогда как раз мимо церкви Иоанна война, доброго солдата карательных войск Юлиана Отступника. Прохода к ней с улицы кажется не было, но луковки были видны и с Димитрова. Церковь эту, еще не отреставрированную и не такую вульгарно-пеструю как сейчас, я часто рисовал зимой и любил ее благородный ступенчатый силуэт. Чего не бывает? Изображал я ее в стиле Эдварда Мунка. Моя Иоанн воин кричал о моем московском отчаянии громче норвежской девушки на мосту.

Ну так вот, шел я по тротуару на Димитрова, чуть не бежал... бодро кидая колени вперед и вдыхая выхлопные газы... автомобильное движение по этой, тогда еще не расширенной, двухполосной улице было сумасшедшее, ведь Ленинский проспект вливался в нее, как Волга в Москву-реку.

И вдруг, как будто почувствовав, что сейчас произойдет что-то ужасное, я уставился на притормозивший впереди меня автобус пазик. И тут же из-за его кабины на дорогу вышел шатающийся пьяный мужчина и попытался перейти улицу. И в тот же момент его сбил набитый под завязку пассажирами городской автобус 144-го маршрута, обгонявший пазик по встречной полосе.

Я видел и слышал, как 144-й ударил пьяного. Это был страшный удар. С зловещим треском и скрежетом... всхлипом и чмоком... как будто лежащую на наковальне конскую тушу ударил мясник-великан трехметровым медным молотком.

Бедняга пролетел метров тридцать и приземлился уже не человеком, а измятой, изодранной куклой с расщепленными костями. Ботинки его улетели как грачи метров на двадцать дальше тела. А окровавленная его кепка, упала, возвратясь как бумеранг, прямо мне под ноги.

Я ощутил, как время убийственно замедляется. Оно почти остановилось в тот

момент, когда произошло столкновение автобуса с человеческим телом. А потом медленно-медленно начало ускоряться. Я наблюдал полет мертвеца, как мне показалось, минуты три, хотя в реальности это были секунды.

Я поднял кепку и кинулся к телефонной будке. Говорил со скорой как будто не я. Бросил трубку и побежал к телу, чтобы положить кепку рядом с ним. Почему-то мне казалось это чрезвычайно важным делом. Мертвец лежал чудовищно неправильно. Руки и ноги его не были соединены суставами с туловищем, их удерживала только кожа и одежда. Голова с выбитыми, висящими на веревочках глазами, покоилась на его колене. Кто-то уже положил рядом с ним его ботинки. Тело умершего, нелепо размахивая руками, закрывал собой шофер 144-о. Он истошно кричал сходящимся со всех сторон зевакам: Не смотрите, не смотрите! Скорее всего он был лимитчиком, судя по акценту — азербайджанцем. И вне себя он был не только из-за того, что на глазах множества свидетелей нарушил правила движения и убил человека, но и потому, что разрушил этим свое будущее. Рухнули его надежды на комнату или квартиру в Москве, на то, что сможет наконец привезти сюда семью и попытаться поместить хронически больную мать, от которой давно отказались гардабанские врачи, в московскую клинику.

Подъехала скорая. Врач, тридцатилетний усталый брюнет с бородкой, бросил только один взгляд на тело и тут же тихо приказал двум дюжим санитарам: Грузите... везем в морг.

Вторая скорая забрала шофера 144-о. Он рыдал, рвал на себе одежду и продолжал кричать: Не смотрите, не смотрите...

Два милиционера начали лениво разгонять народ. Один из них посмотрел на меня провинциально-укоризненно, ткнул кулаком в плечо и сказал: Ну ты, что встал, сказали ведь всем, расходитесь, нечего тут смотреть!

Пазик уехал, 144-й остался на Димитрова. Мне расхотелось идти в букинист и покупать книгу Гоголя. Произошедшее на моих глазах несчастье показало мне истинную реальность мира, в котором я живу. Я понял, что отныне буду смотреть на все глазами того летящего мертвеца. Многие важные для других людей вещи и понятия тут же и навсегда потеряли для меня ценность и смысл. Я прошел к набережной и до полуночи гулял вдоль Москвы-реки.

